

Крупные обломки черепицы и камня, уже размягчённые корнями мутировавшего вьющегося растения, не выдерживали под лапами волчонка. Они разлетались во все стороны и падали на землю. Однако, когда под лапами волчонка уже ничего не осталось, он всё равно продолжал стоять на крыше.

Точнее говоря, какая-то невидимая сила удерживала его снизу и не давала провалиться вниз. Чем яростнее была атака снаружи, тем сильнее становилась преграда внутри.

Цзян Лэ понял, что что-то не так, и остановил его:

— Сяо Лан[1], стой.

Он первым спрыгнул с крыши на землю, попутно прикончил тех двух зомби и убрал их в системное пространство, затем подошёл к двери. Чем ближе Цзян Лэ подходил к двери, тем отчётливее ощущал невидимую отталкивающую силу. То, что этот дом всё ещё сохранял форму, похоже, тоже было связано с этой силой.

Цзян Лэ вспомнил похожую способность, которую видел раньше: она могла невидимо формировать силу, отгораживающую от опасности, и называлась воздушным барьером.

Не желая выглядеть слишком агрессивным, Цзян Лэ не стал продолжать приближаться. Он отступил на шаг и чуть повысил голос:

— Здравствуйте, внутри есть кто-нибудь? Я не желаю вам зла. Зомби у входа и мутировавшее растение я уже убил. Если вы не хотите, чтобы вас беспокоили, я сейчас уйду.

Через несколько секунд после того, как голос Цзян Лэ стих, из дома наконец донёсся какой-то звук.

Цзян Лэ увидел, как к двери осторожно приблизилась пара глаз, высматривая наружу. Свирепого волчонка Цзян Лэ заслони́л собой, но даже так его присутствие, похоже, всё равно было слишком сильным.

— Рядом с тобой... что это такое? — тихо спросил мужской голос.

Цзян Лэ присел на корточки и легко погладил волчонка по голове. Правда, от второго поглаживания волчонок уже увернулся, повернув голову, но всё-таки не оскалился на него. Значит, настроение было спокойным.

— Волк. Но я его вырастил. Он не станет нападать без причины, — сказал Цзян Лэ.

В доме, должно быть, находились два человека. Цзян Лэ слышал, как они переговариваются

вполголоса. Видимо, эти двое спрятались здесь вскоре после начала конца света и больше ни разу не выходили наружу. Поэтому они почти не остерегались Цзян Лэ, человека, боевая сила которого явно была гораздо выше их собственной, к тому же он пришёл с мутировавшим волком.

— Тебя прислали сверху спасти людей? — продолжил расспрашивать мужчина. Его рука уже приоткрыла дверь.

— Нет. Я просто проходил мимо.

Дверь открылась изнутри. За ней стояли мужчина и женщина. Оба были поразительно худыми, с впавшими щеками и желтоватым, истощённым цветом лица.

Они коротко представились Цзян Лэ. Мужчину звали Ло Мянью, женщину — Кун Шуя. Они были женихом и невестой. Когда пришёл конец света, Ло Мянью как раз привёз Кун Шую в родную деревню навестить родителей. Никто не ожидал внезапной беды, и они были вынуждены временно остаться в доме его семьи. Но однажды, проснувшись, обнаружили, что оба родителя обратились в зомби и едва не напали на них.

Кун Шуя от страха всю ночь горела с высокой температурой. Очнувшись, она обнаружила, что пробудила способность, которая может удерживать зомби в нескольких метрах от неё. Благодаря этой способности они выгнали обратившихся стариков из дома. После этого выживали за счёт хранившихся дома риса, муки и зерна, разводили их колодезной водой и ели сырыми.

За дверью день и ночь бродили зомби. Стоило им услышать хоть малейший звук, и они могли не уходить несколько дней. Эти двое не осмеливались даже выйти за порог, жили в постоянном напряжении и спали только по очереди. Со временем не только рис в кадке подошёл к концу, но и дом, служивший им убежищем, целиком оплело мутировавшее вьющееся растение. Шипы на его листьях пронзили кирпичные стены, превратив прежде крепкую кладку в труху.

Чтобы противостоять ему, Кун Шуе приходилось долго поддерживать способность. А она и так почти не получала пищи, поэтому худела прямо на глазах.

Ло Мянью из-за этого страшно винил себя. Отчаяние между ними всё сильнее бродило и сгущалось.

Снаружи снова донёсся странный шум, словно появилась ещё одна тварь.

Возможно, именно сегодня ночью, когда способность Кун Шуи больше не выдержит, их всё-таки сожрут монстры снаружи. Чем умереть так мучительно, лучше уж самим оборвать свои жизни заранее. Это всё равно лучше, чем отдать свою смерть в руки чудовищ.

В тот момент Ло Мянью обнимал Кун Шую, которая из-за чрезмерного использования способности уже почти впала в беспамятство. Услышав, как над головой непрерывно осыпаются кирпичи, и увидев, как сверху высовывается свирепая звериная морда, Ло Мянью решил, что их смертный час всё-таки настал.

Его рука уже сжала лежавший рядом кухонный нож. Внутри всё мучительно колебалось, но в следующую секунду он услышал чистый молодой мужской голос:

— Сяо Лан, стой.

Это был человек. Такой же, как они.

И звук падающих кирпичей действительно прекратился.

Словно в темноте вспыхнул рассвет, внезапно разогнав страх последних месяцев и влив надежду в сердце Ло Мянью.

Кто-то пришёл. Значит ли это, что хаос снаружи уже взят под контроль и жизнь всех людей скоро вернётся в норму?

К сожалению, Цзян Лэ не смог дать Ло Мянью тот ответ, на который он надеялся.

Узнав, что положение во внешнем мире не стало лучше, а даже ухудшается, Ло Мянью мгновенно осунулся, словно из него вынули стержень.

— Зомби здесь я уже зачистил, мутировавшее растение тоже убил. Если вы останетесь, временно опасности быть не должно. В городе, наверное, ещё продолжается централизованное спасение. Или... — Цзян Лэ сделал паузу и предложил им другой вариант: — У меня там тоже можно считать безопасно. Можете пойти со мной.

Они оба разом посмотрели на Цзян Лэ. В изначально растерянных и пустых глазах постепенно появился слабый фокус.

— Мы... мы пойдём с тобой, — сказала Кун Шуя. Ло Мянью рядом тут же закивал.

Если оставаться здесь, рано или поздно снова появится опасность, с которой они не смогут справиться. Если идти в город, по дороге тоже встретится множество неизвестного, и ещё непонятно, смогут ли они добраться до пункта спасения.

А Цзян Лэ не только легко справился с зомби и мутировавшим растением, которое собиралось уморить их в ловушке. С виду он был чистым, аккуратным и держался спокойно. Обычному человеку без способности совсем непросто жить так в конце света. Возможно, если уйти с ним,

это действительно станет выходом.

Они не то чтобы совсем не думали о том, что Цзян Лэ вдруг окажется мошенником или отчаянным преступником, обманом уведёт их, а затем совершит нечто ещё более страшное. Но в такие времена вера в людей была единственной ставкой, на которую Кун Шуя и Ло Мянй ещё могли решиться.

Поддерживая друг друга, они шаткими шагами шли следом за Цзян Лэ. Несколько часов пути истощили силы, которых и без того почти не осталось.

К тому же они время от времени слышали, как Цзян Лэ разговаривает с волком рядом.

Что-то вроде: «Как раз не хватает двух человек», «Когда деньги будут на руках, поменяю тебе козий загон, понял?»

Чем больше они слушали, тем сильнее у них полз холодок по спине. Шаги стали ещё медленнее.

Цзян Лэ успокаивал волчонка. Способность Кун Шуи, хотя и была очень слабой в атаке, обладала чрезвычайно высокой защитой. Такая способность вызывала зависть у многих обладателей способностей с сильной атакой и слабой обороной.

По движениям волчонка эти двое мало что могли понять, но Цзян Лэ понимал: сейчас волчонок прямо-таки хотел на месте вытащить из Кун Шуи кристаллическое ядро и съесть его, чтобы получить способность воздушного барьера. Это было стремление к постоянной эволюции, которым руководствовались звери после мутации, их способ выживать.

Цзян Лэ не собирался насильно выворачивать систему ценностей волчонка наизнанку и заставлять его при виде каждого человека относиться к тому с любовью и дружелюбием. Это было нереалистично. Ведь теперь даже между людьми почти не осталось мирной дружбы. Куда чаще случалось так, что один человек прямо перед тобой убивал другого и бил ножом в спину. Если бы Кун Шуя попала на базу, созданную другими обладателями способностей, она, возможно, не прожила бы и половины месяца.

Но Цзян Лэ не мог и позволить волчонку поступать как ему вздумается. Оставалось только предлагать ему взамен другие условия, достаточно привлекательные для волчонка. Например, сказать ему: когда они наймут ещё двух работников, опыт фермы повысится, и тогда специально для него заведут несколько молочных коз, чтобы он мог пить досыта.

Только после этого волчонок нехотя согласился.

Почувствовав, что шаги позади замедлились, а потом и вовсе остановились, Цзян Лэ обернулся к ним. Лица Ло Мянй и Кун Шуи, кажется, стали ещё хуже, чем вначале.

Цзян Лэ подумал, сунул руку в карман брюк и вытащил оттуда бутылку воды и две маленькие булочки в упаковках, протянув им.

Поначалу он не хотел доставать еду из пространства прямо перед посторонними, поэтому не дал её сразу. Но сейчас, глядя на их вид, будто они вот-вот упадут в обморок, Цзян Лэ решил, что им всё же нужно восполнить силы. Он сделал вид, что тянется в карман, а на самом деле достал всё из пространства.

Ло Мянью и Кун Шуя застыли. Их взгляды намертво прилипли к чистой бутылке воды и пухлым маленьким булочкам. В следующую секунду голод и инстинкт выживания заставили их рывком схватить еду из рук Цзян Лэ. Они забыли о воспитании и о приличном виде за едой.

— Спа... спасибо.

Булочки застревали в горле, и они силой проталкивали их водой. Даже мучительное ощущение, с которым пища продиралась вниз по пищеводу, стало частью давно забытой сытости. Чистая вода была чуть сладковатой. Булочки источали молочный аромат, смешанный с запахом сахара и сливочного масла, словно их только что достали из печи. В тот миг, когда они коснулись языка, казалось, давно умершие вкусовые рецепторы наконец ожили.

Им понадобилось всего несколько десятков секунд, чтобы съесть булочки и допить воду. Они хлопали себя по груди, восстанавливая дыхание, а на лицах невольно проступило довольство.

Цзян Лэ поднял голову и посмотрел на небо:

— Если вы не можете идти дальше, можно отдохнуть здесь десять минут. Но не дольше. Иначе до темноты мы не успеем вернуться.

Он и волчонок темноты не боялись. Цзян Лэ беспокоился только, что с наступлением темноты эти двое легче могут получить травмы.

Получив еду и восполнив силы, Ло Мянью уже отбросил прежние сомнения. Неважно, обманет их Цзян Лэ или нет. Если перед тем, как обмануть, он даст им поесть досыта, то для людей, голодавших почти два месяца, это уже будет милостью.

Трое людей и один волк наконец добрались до ворот фермы до того, как небо окончательно стемнело.

Волчонок сам убежал в сторону, и Цзян Лэ не стал его останавливать. Волчонок уже привык свободно двигаться рядом с фермой, а ночью сам возвращался спать.

Ло Мянью и Кун Шуя, едва увидев ферму, замерли на месте.

Хотя небо уже клонилось к сумеркам, а в горах было ещё темнее, общие очертания фермы всё равно можно было разглядеть.

Овощи, фрукты и зелень росли стройными рядами вдоль грядок. Огурцы, помидоры, клубника, баклажаны, салат... С одного взгляда невозможно было сосчитать все виды плодов. Их цвета были здоровыми и манящими, а в воздухе смутно витал свежий аромат.

Еда. Еда. Несчётное количество еды.

Почувствовав, что кто-то вошёл на территорию, куры, утки, свиньи и прочая живность подала голос. Даже в пруду подпрыгнули несколько рыб.

Всё это было наполнено надеждой и жизнью. Для людей, только что вырвавшихся из отчаяния, эта картина почти вызывала желание расплакаться.

Словно такого потрясения и такого соблазна ещё было недостаточно. В тот миг, когда Ло Мянью и Кун Шуя застыли, Мао Сяофэй, услышав движение снаружи, настороженно выглянул из комнаты на втором этаже.

Обнаружив, что вернулся Цзян Лэ, он сразу сбросил настороженность, взял свой недоеденный ланчбокс, побежал вниз и, крича «брат Цзян», так и подбежал с едой в руках к двум людям, измученным голодом.

В ланчбоксе было одно мясное блюдо и два овощных. Мясным блюдом были остро обжаренные кусочки курицы: свежий аромат перца чили смешивался с жиром куриного мяса и, соединяясь с рисом, рождал манящий острый запах, от которого хотелось есть ещё больше. Рядом лежал ярко-зелёный жареный стеблевой салат с его особой свежей сладостью, а ещё стояла миска мапо-тофу[2]: нежный тофу лежал в красном масле, смешанный с мясной крошкой, ферментированными чёрными бобами и приправами, которые раскрывали изумительный аромат.

Если бы Ло Мянью и Кун Шуя в этот момент не держали рты закрытыми, слюни у них, наверное, потекли бы до самой земли.

[1] Бук. Пер. Маленький волк, Волчонок

[2] Мапо-тофу — острое сычуаньское блюдо из мягкого тофу, мясного фарша, ферментированных бобов и пряного масла.

<http://bllate.org/book/17649/1689471>